

Владимир Даль

Шило в мешке, а грех на совести не утаишь

Солдат стоял на постое у вдовы скорняка; вдова пробивалась кой-как; муж больших залишков ей не покинул, а нашлось рублей с полтары тысячи; вдова на них и торговала ложками да плошками, и кормила свою семейку. Солдат наш служил не первый и не пятый год, и знали его товарищи и начальники как хорошего, смирного и честного солдата; стоял он и у вдовы на постое давненько, и она на него не жаловалась, худа от него не видала.

Тем часом вдова собиралась ехать на ближнюю ярмарку, и всего то верст за пятьдесят, собрала деньжонки, что кой-как сколотила за полгода, сосчитала их вечером не таившись от постояльца своего, насчитала сот семь, положила в сундучишко, да и стала говорить солдату, что ей купить надо, да на долго ли поедет, просила за домом присмотреть без нея, да в свободный час и за хозяйством, потому что она вишь ему верила, как своему, накормила ужином, да и пошла спать.

У этой же вдовы одна дочь была за мужем, и зять, парень не совсем путный, давно уже приставал к теще, чтобы выделила жену его, дала бы, что причтется, отцовского наследья; а вдова не хотела.

— Поколе, говорит, деньжонки у меня в руках будут, так они целы, да еще и помаленьку прибывают; добро ваше не пропадет, детей ваших, коли Бог даст, одевать и обувать буду, а денег вам не дам; вы и меня и семью мою разорите, а сами не наживетесь; дочь моя мужа в руках держать не умеет, а он любит погулять, так толку из этого выйдет не много.

Зять накануне поссорился с тещею, да еще с похмелья пригрозил — а проспался, так может статья и забыл что говорил, и сердце прошло. Теща, осердившись на зятя, сказывала при сторонних людях, что вот де какой у меня зять: и грозит, и шумит — коли обокрадут меня люди добрые, либо упаси Господи, убьют — так уже знайте, что некому больше, как зятю!

Нашего солдата, который дожил до 35 годов без всякого большого греха и худого дела — одолела грешная дума, да не покидала во всю ночь: украду-де у хозяйки деньги да подальше запрячу — на меня никто и не подумает, не скажет; сама хозяйка отвела весь ответ и поклепу на зятя, а я буду в стороне!

Так и сделал; хозяйка встала чуть свет, да пошла выгнать корову; солдат наш чистился об эту пору, собирался в караул; не успела выйти за ворота, как он отбил замок у сундука, деньги вынул, а сундучок отнес да закинул в пустую баню, на задах у зятя, а сам пошел будто за каким делом, к одному да к другому товарищу, которые также стояли по квартирам, и воротился домой, когда уже воротилась хозяйка, и спохватилась сундучка. Туда-сюда стали разбирать, спросили хозяйку: «На кого думаешь, на кого у тебя подозрение, не солдат ли?» она говорит нет; упаси меня Бог от поклепа да напраслины, на солдата своего не думаю, а некому больше украсть, как зятю. Стали искать: нашли у зятя в бане разбитый сундучишко; принялись за молодца, посадили в острог, затаскали по судам, держали, держали — там он где-то и помер бедняк и жену молодую покинул на сносах; родила уже без него, да и овдовела.

Солдат наш молчит; ни тут, ни там, ни где на него нет наговору, никто и не догадывается, ходит себе чист, да прав, словно мы с тобой. Однако, как поглядит он на молодую бабенку, что осталась одна одной на белом свете, поглядит ину пору на малого ребенка, что родился на свет сиротою без отца, как поглядит еще и на старую хозяйку свою, которая со дня на день стала разоряться, когда украли у нее последнее что было и чем торговала, добывала себе хлеб, да как вспомянет еще к этому, что он всему виной и причиной, — так тяжело ему становится на сердце, словно камень лежит на груди: бился он долго, терпел, перемогался, хворал, не спал по ночам, а заснет, так мечется, да охает, да бредит вслух — нет мочи совсем, хоть утопиться; только и забудет горе, как достанет тихомолком синенькую, да напьется — а уж он стал и пить, чего прежде за ним не бывало никогда; отляжет тоска, поколе хмелен, а после и приступит опять, да пуще прежнего.

Так сидел раз вечером солдат наш за воротами, накинув шинель на плеча, да накрывши лацканом и лицо и глаза, словно разломило головушку, и думал думу, про беду да горе свое, что разорил он старую хозяйку свою, от которой опричь добра не видал ничего; сгубил занапрасно зятя ее, да пустил двух сирот по миру. В это время подошел к нему однокашник и земляк его, присел рядом, да и начал его спрашивать: что де ты Касьянов не весел больно? Болен не болен, а в себе не волен; что с тобой случилось, говори?

Касьянов поднял голову, поглядел на товарища, да вздохнул.

— Так, что-то сердце болит.

— А с чего ж оно у тебя стало болеть, Касьянов? Прежде — я тебя, слава Богу, годов с двадцать знаю, знал еще и до службы Царской, — прежде за тобой этого не бывало, как не бывало и греха; а ныне....

— Молчи, не говори вслух! — сказал испугавшись Касьянов; молчи, люди услышат.

— Что ты, Господь с тобою, начал опять товарищ, да нешто мы с тобой от людей таимся, что ли! — поглядит на Касьянова, а у него слезы градом и полились.

— Послушай, сказал ему товарищ, покайся хоть на духу, а ты сделал худое дело. Сердце в тебе ноет от того, что грызет тебя совесть. Ты, Касьянов, стал ныне погуливать, чего за тобою отродясь не бывало; а деньжонок залишних у тебя нет; где ты взял их? Тут что-нибудь не ладно. Вот с чего у тебя и сердце болит, да вот с чего и не спится, да и заснешь, так мелешь не знать что, да еще и проговариваешься; ты намерен, как мы с тобой в карауле стояли, что говорил, заснувши?

— А что я говорил? — спросил испугавшись Касьянов.

— Ну, отвечал тот, там уж что ни говорил, да говорил; ты знаешь, что я обманывать тебя не стану, а слышали, может статья и ребята, того и гляди, что перескажут один другому, и не ладно будет. Господь с тобою, Касьянов; я не начальник тебе, я не духовник; а покайся сам от себя, поколе люди не дознались, а то погубишь ты свою душу!

Касьянов заплакал, да и признался земляку своему во всем; тот сперва не хотел было и слушать: не говори мне, а поди, либо скажи ротному командиру, либо попу; а мне не говори; да Касьянов не пустил его, а велел сидеть, да слушать.

— Я деньги украл у Селиверстовой, а ларец закинул в баню к зятю; я и душу его сгубил, тем и разорил две семьи!

— Не боишься ты Бога, молвил товарищ его — не боишься Бога, и не чаешь умереть! И что ж тебе пути и проку в деньжонках этих? Научился пьянствовать, чего

прежде и не знал, да вот отбило тебя ото сна, от еды, да покорило, словно от лихой болезни – только и есть! Что тебе с них радости! Все что ли прогулял?

– Нет, отвечал Касьянов, больше сотни не прогулял; а те целы все.

– Где ж они у тебя лежат?

– На гауптвахт, подле печи, повыше нар, есть в бревне гнилой сук и дуплина; туда я их засунул, да и приткнул опять мохом.

– Что же ты теперь думаешь, как быть?

– Ничего я, брат, не знаю; и ума не приложу; видно пойду, да утоплюсь.

– Нет, Касьянов, то худо ты выдумал, а это и похуже того. Пожалуй, утопиться не долго, как вот не долго было тебе и тысячу рублей украсть; да после что будет? Кого обидел ты на этом свет, тому и от смерти твоей легче не будет; а души своей, хоть жернов на шею себе навяжи, не утопишь; как выйдешь ты на страшный суд, так тебя лицом к лицу, на очную ставку и поставят с теми, кого здесь погубил, кого обижал, кого обворовал.

– Как же быть, брат? – спросил Касьянов, и опять заплакал; как быть, дай ума!

– Думай да гадай ты сколько хочешь, сказал опять товарищ его, Воропаев, а не миновать тебе, что признаться ротному; пусть доложит полковнику, да проси, чтоб помиловали, чтобы покончили да порешили своим судом, а деньги, мол, почитай все целы, и с Селиверстовой-де разделаемся и поладим, что просить не станет.

Касьянов подумал – да так и сделал; за добровольное признание его помиловали, под суд не отдавали, наказали своим судом, а вдова рада, рада была, что воротила большую половину денег – и просить дальше не думала.

– Ну, что? – спросил Воропаев Касьянова, когда тот покончил все и отдохнул уже после наказания; ну, что, легче ль на сердце теперь?

– Легко, брат Воропаев; Господь тебя надоумил да послал – я бы утопился.

– И что же, спросил опять Воропаев, ты как думаешь, теперь кончено все и хлопотать нам не о чем?

– Кончено все, чего же еще? Деньги отнес, ста рублей только не хватает; побить – побили, да это не беда; вперед не попутает меня сатана, не соблазнит!

– Нет, брат, не кончено, сказал Воропаев; пойдём-ка со мной; и привел его ко вдове, которая жила теперь опять вместе с дочерью, и жила почитай одним только огородишком.

– Вот, тетушка, сказал он ей, пришли к тебе два работника, в кабалу: не добрый человек, что украл у тебя деньги, покался, как знаешь – а она не знала кто украл, знала только что нашли деньги – покался, отдал тебе что было денег, да вот еще нас двоих нанял, чтобы целое лето, когда не на службе, работали у тебя, что заставишь, в огороде.

– Дай же ему Бог спасение души – сказала старуха, хоть он и обокрал было меня, да и вам спасибо! А работы вам найдется: надо гряды копать, надо сажать да рассаживать – спасибо вам, спасибо и ему.